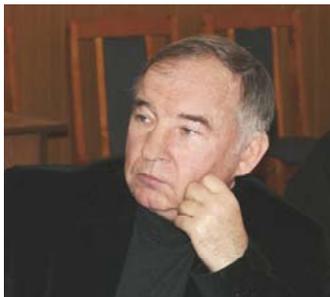

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

УДК 316

А.В. Лубский

**ГУМАНИЗАЦИЯ И
КОНСТРУКТИВИЗМ В
СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

В статье в контексте гуманизации науки рассматриваются проблемы научной субъектности и конструктивизма в социально-гуманитарном познании.

Ключевые слова: гуманизация науки, научная субъектность, научная креативность, конструктивизм, радикальный конструктивизм, конструктивный реализм.

А.В. Лубский,
доктор философских наук, профессор
кафедры социологии, политологии и права
ИППК ЮФУ.
E-mail: n_lav@mail.ru

© Лубский А.В., 2012

A.V. Lubskiy

**HUMANIZATION
AND CONSTRUCTIVISM IN
SOCIAL SCIENCES AND
LIBERAL ARTS**

In this article the problem of scientific subjectivity and constructivism in social and liberal knowledge is viewed in the context of humanization.

Key words: humanization of science, scientific subjectivity, scientific creativity, constructivism, radical constructivism, constructive realism.

A.V. Lubskiy,
Doctor of Philosophy, Professor of Social,
Political and Law Sciences Department of the
Institute for Retraining and Advanced Teaching
in Humanities and Social Sciences of the
Southern Federal University.
E-mail: n_lav@mail.ru

© Lubskiy A.V., 2012

В развитии современной эпистемологии можно выделить две тенденции. Одна из них связана с построением теории социально-гуманитарного познания, в которой субъект научного исследования элиминирован из его результатов, а субъектно-объектные отношения в нем представлены в жестких абстракциях рассудочно-социологической традиции. Другая тенденция, наоборот, стремится сохранить субъект научного исследования и представить его в теории познания как целостность, в единстве экзистенциально-антропологических характеристик [1]. Конкретные социально-гуманитарные науки в большей степени ориентируются на рассудочно-социологическую традицию, и поэтому исследователь в них по-прежнему рассматривается как нейтральный наблюдатель, не представляющий никакого когнитивного интереса. Поэтому, например, в социологии, как отмечает П. Бурдьё, еще очень редко подвергаются «анализу диспозиции, схемы восприятия и мышления, интересы, предпосылки, часто глубоко бессознательные, которыми он (исследователь. – *А.Л.*) обязан самому факту принадлежности полю, т.е. дисциплине, обремененной историей и занимающей определенную позицию в иерархии дисциплин» [2].

В настоящее время интерес к субъекту социально-гуманитарного познания усилился в связи с поисками путей его эффективной институционализации. Институты в познании – это набор формальных правил и неформальных ограничений, связанных с производством и трансляцией новых научных знаний. Формальные правила имеют юридическую силу, например, это – правовые нормы, защищающие авторские права ученого на интеллектуальную собственность; требования ВАКа, предъявляемые к диссертационным исследованиям; контракты на осуществление научной деятельности. Формальные правила научно-исследовательской деятельности динамичны, они могут быстро изменяться, в том числе государством в поле нормативных предписаний или заказчиком в контракте. Неформальные ограничения, включающие в себя нормы научно-исследовательской деятельности и так называемые кодексы научного поведения, принятые в данном академическом сообществе, наоборот, являются более стойкими во времени. В этом плане научные сообщества консервативны по своей природе и, как правило, застывают в своей неформально-институциональной познавательной матрице.

С позиций современной эпистемологии можно выделить три типа отношений между содержанием старых и новых институтов в социально-гуманитарном познании: 1) *path determinacy* – пат-детерминация, институциональные изменения, которые полностью определяются прошлым; 2) *path indeterminacy* – пат-индетерминация, институциональные изменения, независимые от прошлого, связанные с радикальной ломкой предшествующей институциональной системы; 3) *path de-*

pendence – пат-зависимость, институциональная зависимость новых институтов от старых.

Отношения типа path dependence активно разрабатываются в рамках неoinституционализма, который существенно изменяет представления о содержании институциональных изменений в социально-гуманитарном познании. Основу неoinституционализма составляет деятельностный подход, согласно которому институты как совокупности норм, определяющих модели научно-исследовательской деятельности в социально-гуманитарном познании, задаются не только профессиональной культурой научных сообществ, но и формируются спонтанно в процессе научных коммуникаций, а также навязываются социальными агентами, обладающими определенным капиталом власти, в том числе политического и символического характера. В качестве таких агентов обычно выступают лидеры в науке, научная бюрократия и ученые, профессионально занимающиеся методологической деятельностью.

В русле неoinституционального подхода внимание акцентируется не на самих институтах в социально-гуманитарном познании, а на деятельности субъектов, их поддерживающих или изменяющих. Поэтому при изучении институциональных изменений в социально-гуманитарном познании следует учитывать, что формальные правила и неформальные ограничения в нем изменяются под воздействием различных агентов, которые в конечном счете определяют и эксплицитный набор формальных правил и трансформацию неформальных ограничений.

Специфика институциональных изменений в современном социально-гуманитарном познании непосредственно связана с процессом гуманизации науки в целом, которая связана, как считают некоторые специалисты, с распространением в ней идей и принципов гуманизма и состоит, с одной стороны, во все более полном использовании результатов и потенциальных возможностей науки в целях обеспечения благополучия людей; с другой – в совершенствовании самой сферы науки с целью преодоления технократических тенденций, противоречащих свободному развитию личности ученого, и создания условий, наиболее отвечающих самореализации и увеличению его творческого потенциала [3]. Такой подход к пониманию гуманизации науки представляется достаточно эвристичным. Однако следует учитывать, что в настоящее время существует множество концептов гуманизма [4], в рамках которых возможны различные интерпретации гуманизации социально-гуманитарных наук.

В данной статье представления о гуманизации социально-гуманитарных наук основываются на таком концепте гуманизма, сущность которого раскрывается не через отношение к человеку как высшей ценности, а в понимании человека как креативной личности [5]. В рамках этого концепта гуманизация социально-гуманитарных наук связана со

становлением в них особого типа ученых, которые являются не просто творческими, а креативными личностями.

В научной литературе понятия «творчество» и «креативность» довольно часто используются как синонимы. Однако эти понятия следует различать: разница между творчеством и креативностью состоит в том, что творчество в науке заключается в производстве такого нового продукта, как научные знания, а креативность – это способность ученого рефлексировать и создавать новые способы их производства. Оппозицией креативности в науке служит научная репродуктивность, т.е. научно-исследовательская деятельность по заранее заданным методологическим шаблонам или познавательным образцам. Если такая деятельность приводит к получению нового научного знания, то она вполне может быть признана творческой. Однако в основе такой деятельности лежит так называемая вынужденная познавательная активность, и в этом плане творчество в науке может быть не только «высоким», но и «средним», и даже «низким». Креативный ученый в науке – это субъектный ученый, поскольку через рефлексию и разработку новых способов получения научного знания он реализует свою способность к самореализации в научном творчестве.

Проблема субъектности в науке стала предметом специальных научных исследований сравнительно недавно [6]. В социально-гуманитарном познании научная субъектность носит «отвечающий» характер. Она формируется как экзистенциально-рефлексивный ответ на вызовы «чужой» когнитивной инаковости. Именно в процессе нахождения такого ответа обретается респонзивная (отвечающая) рациональность и формируется научная субъектность [7]. В рамках респонзивной рациональности складывается субъектная идентичность ученого, понимаемая как осознание им неповторимости и уникальности своего деятельностного потенциала в науке. Субъектная идентичность ученого – это сопоставление им себя не только с «другими», но прежде всего с самим собой как субъектом профессиональной деятельности. Она проявляется в рефлексивном отождествлении ученым самого себя с собственной познавательной активностью, с целью и процессом научно-исследовательской деятельности [8].

Субъектная идентичность ученого в социально-гуманитарных науках наиболее интенсивно проявляется в проблемных и кризисных ситуациях, вызывающих творческое напряжение, когда обращение ученого к своим внутренним креативным возможностям является основным условием поиска нестандартных способов научно-исследовательской деятельности. В этом плане научная субъектность обнаруживается прежде всего в свободе научного творчества, которая выражается в том, что креативный ученый, преодолевая «когнитивный прессинг» методологических стандар-

тов научной деятельности путем самоутверждения и самоактуализации, становится «автономным исследователем» и присваивает себе право самостоятельно определять методологические основания своей профессиональной деятельности и создавать личностно ориентированные картины социальной реальности [9].

В предельной форме вопрос о гуманизации социально-гуманитарных наук был поставлен в постмодернизме. Его эпистемологические претензии базируются на представлении о том, что социальная реальность существует только в дискурсивных интерпретациях, формой которых выступают тексты. Исходя из этого, постмодернисты в социально-гуманитарном познании главную роль отводят именно текстам, считая их единственно конкретной данностью, с которой имеют дело исследователи. В связи с этим процесс социально-гуманитарного познания рассматривается постмодернистами не как взаимодействие познающего субъекта и объекта, а как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий мир дискурсивных практик, в рамках которых происходит рождение нового знания и альтернативных представлений о социальном мире. При этом, как полагают постмодернисты, можно сколько угодно анализировать и сравнивать эти представления, однако нет той «архимедовой точки опоры», которая позволила бы судить, действительно ли одна из точек зрения представляет собой научную истину.

В целом для постмодернистов в социально-гуманитарном познании характерна тенденция к «свободному плаванию» без всякой привязки к «реальному» миру, поскольку социально-гуманитарное знание они рассматривают не как «отражение» внетекстовой реальности, а как субъективное выражение интересов и ценностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в гипертекст современности. Постмодернисты в процессе социально-гуманитарного познания исходят из признания собственного «суверенитета» по отношению к производству знаний. Они выступают в роли интерпретаторов, задача которых состоит в том, чтобы облегчить коммуникацию между различными социокультурными сообществами.

В результате в постмодернизме до логического конца была доведена идея субъектности социально-гуманитарного познания, поскольку познающий субъект был провозглашен в качестве «репрессивной инстанции» по отношению к производству альтернативных картин социального мира. В социально-гуманитарном познании исчезли всякие авторитеты, кроме мнения самого автора, опирающегося на принцип «affirmo – ergo est» («утверждаю – значит, так есть»).

В этом плане постмодернизм, с одной стороны, представляет собой предельную субъектность в производстве социально-гуманитарного зна-

ния. С другой стороны, постмодернизм несет в себе печать дегуманизации социально-гуманитарного познания. Это обусловлено тем, что познающие субъекты, деятельность которых проникнута духом интеллектуальной индивидуальности, в то же время, как считают сами постмодернисты, никогда не свободны от символической природы того мира, которому они принадлежат, и поэтому не способны преодолеть груза своих культурно-исторических предрасположенностей и человеческих интересов [10]. В связи с этим в постмодернистской парадигме познания особое место отводится проблеме интертекстуальности.

В широком смысле интертекстуальность – это взаимозависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участника коммуникации других текстов [11]. При этом предполагается, что в ходе интертекстуальности происходит как бы растворение суверенной субъектности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» [12]. Поскольку смысл текста, обусловленный «великим интертекстом» (культурой сообщества, к которой принадлежит автор текста), связан с лингвистической структурой языка не меньше, а больше, чем с намерениями автора, то любой текст, как писал Р. Барт, – это своеобразная *chambre d'echos* («эхо-камера») [13]. В связи с этим автор текста, с одной стороны, не может поручиться, что правильно выразил свою мысль, а с другой – он не в состоянии проконтролировать дальнейшую судьбу своего текста и защитить его от неправильного понимания. В связи с этим автор текста, по образному выражению М. Пфистера, «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры» [14]. Игры, носящей, по мнению постмодернистов, бессознательный характер, и поэтому порождающей имперсональный текст, помимо сознательной волевой деятельности индивида. В этом смысле Р. Барт и говорит о «смерти автора» текста [15], что и является свидетельством дегуманизации социально-гуманитарного познания. Основу постмодернистской парадигмы социально-гуманитарного познания составляют идеи конструктивизма. В отличие от объективизма, представители которого придерживаются принципа реконструкции социальной действительности, конструктивизм базируется на ином принципе: социальная реальность производится множеством видов социальной практики, в том числе и познавательной, обусловленной культурой.

Более последовательно проблема гуманизации социально-гуманитарных наук решается в рамках неоклассической модели научного исследования, в которой научная субъектность приобретает новое качество. Эта модель формируется в контексте культуры неоглобализма, которая рассматривает культурное многообразие как *conditio sine qua non* («непременное условие») существования человечества в целом. Культура неоглобализма, базирующаяся на методологии нового универсализма, ха-

рактируется, с одной стороны, активизацией дихотомического стиля мышления, а с другой – стремлением к синтезу разных оппозиций: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского [16].

Неоклассическая модель социально-гуманитарного исследования складывается на основе критического, реалистско-синкретического стиля научного мышления [17]. В рамках этой модели критике подвергается в первую очередь постмодернизм и его субъективистский, индивидуалистско-релятивистский стиль мышления, основанный на идеях конструктивизма. Неоклассики критикуют и неклассическую модель социально-гуманитарного исследования за односторонность ее номиналистско-идиографического стиля мышления, который способствовал распространению субъективизма и релятивизма в науке в связи с популярностью в ней историко-культурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения научных фактов. Критике неоклассиков подвергается и классическая модель научного исследования за крайний объективизм, элиминирующий специфику социально-гуманитарного познания, отвергающий структурирующую роль в нем текстов и языка. Критикуются также представления классиков о методологическом плюрализме как эпистемологическом недостатке социально-гуманитарного наук. В целом неоклассики критикуют представителей классической модели научного исследования за то, что последние, выступая против постмодернистской академической моды, фактически проповедуют новейшую форму «когнитивного абсолютизма», в котором «очищенный» мир разума представляет собой абстрактный, теоретизированный мир, существующий по своим имманентным законам, а научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого действия и приобретают форму религиозной веры. Поэтому классическая теория познания, как считают неоклассики, не применима к «живому» социально-гуманитарному исследованию. Неоклассики полагают, что эпистемология должна обращаться не к абстрактному субъекту социально-гуманитарного познания, а к целостному человеку – познающему и интерпретирующему, а богатство познавательного опыта ставит сегодня проблему возможного синтеза многообразных когнитивных практик на основе принципа доверия к субъектам научного исследования.

Неоклассическая модель социально-гуманитарного исследования базируется на особом типе научной рациональности. Специфика этой рациональности заключается в том, что научное мышление в ней выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное когнитивное действие: рационален не тот, кто стремится к адекватному отображению социальной действительности, а тот, кто способен воссоздать такой ее образ, в котором неразрывно слиты представления о социальной реальности с

самой социальной действительностью. В связи с этим неоклассическая рациональность предполагает рефлексию и плюрализм различных позиций, и в этом плане можно говорить о рационально-рефлексивном стиле научного мышления [18].

Неоклассическая рациональность в социально-гуманитарном познании – это рациональность, которая сформировалась в результате синтеза таких установок, как поиск истины в классической науке и установление зависимости объясняемых характеристик предмета социально-гуманитарного исследования от его методологии в неклассической науке и дополнения этих установок осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социокультурным контекстом. Поэтому неоклассическая рациональность предполагает рефлексию над ценностными основаниями научно-исследовательской деятельности, выраженными в научном этосе [19]. В социально-гуманитарном познании неоклассическая рациональность проявляется в интеграции истины и нравственности, а это дает возможность интерпретировать социально-гуманитарное исследование не только как целерациональную, но и ценностно-рациональную когнитивную деятельность.

Формирование неоклассической модели социально-гуманитарного исследования сопровождается переходом от одномерных интерпретаций социальной реальности к многомерным на основе синтеза «положительных» когнитивных установок классической и неклассической его моделей, а также с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме. При этом в неоклассической науке постепенно утверждается представление о методологическом синтезе как процессе «культурного диалога» и становления нового социально-гуманитарного знания, учитывающего «все существующие возможности и вбирающего в себя весь творческий процесс как таковой, а не его конечный результат» [20]. В связи с этим некоторые ученые считают, что методологическая критика в научном познании должна вестись не ради «отрицания и уничтожения оппонента, а ради помещения себя в его смысловой горизонт, а его – в собственный смысловой горизонт» [21]. Все это значительно расширяет горизонты для становления в социально-гуманитарных науках респонзивной, экзистенциально-рефлексивной личности как основы новой в них субъектности.

В процессе становления такой субъектности в социально-гуманитарных науках начинает формироваться особый тип методологического сознания, который основан на представлениях о том, что: 1) социальная реальность сама по себе не дает никаких гарантий адекватности социально-гуманитарного знания; 2) о социальной реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных научных теорий, с учетом различных социальных перспектив; 3) в социально-гуманитарном по-

знании методология определяет, что может (или должно) быть наблюдаемо в социальном «мире»; 4) социально-гуманитарное познание, протекающее при определенных культурно-когнитивных условиях, обусловлено стилем мышления сообщества, к которому принадлежит ученый, и его методологическими ориентациями; 5) ученый, веря в целесообразность (или смыслообразность) социальной реальности, создает ее когнитивную «картину» в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место социальной реальности, эта «картина» посылает такие же личные его «послания», как и сама реальность; 6) социально-гуманитарные знания как репрезентации социальной реальности не являются ее «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего; 7) социально-гуманитарные знания, зависимые от культурно-эпистемологического контекста и социальной перспективы, имеют статус познавательных конструкций, они концептуально относительно, их нельзя априори защитить от скептических возражений; 8) исследователь, создавший определенную «картину» социальной реальности, может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую ее сторону, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания социальная реальность начинает встречать ученых в разных ипостасях, которые ученые выбирают для конкретной научной «встречи». В этом сознании преодолевается «жажда объективности» и формируется представление о том, что «социальный мир» становится социальной реальностью в соответствии с познавательным контекстом. В связи с этим в академическом сообществе почти не осталось ученых, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к изучению социальной реальности. В таких условиях социально-гуманитарное знание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает социальную реальность саму по себе в той мере, в какой эта реальность трансформируется в разные ее «картины», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной.

Такое методологическое сознание позволяет по-новому реализовывать научную субъектность в социально-гуманитарном познании, последовательно преодолевая односторонности предшествующих когнитивных практик. Это выводит процесс гуманизации социально-гуманитарных наук на новый уровень, позволяющий целостно реализовать творческий потенциал ученого-субъектника.

Формирование такого типа методологического сознания актуализировало проблему конструктивизма в социально-гуманитарном познании. Рассматривая эту проблему с позиций деятельностного подхода,

Е.Н. Князева считает, что конструктивистское начало присутствует во всяком процессе познания, и познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует мир [22]. В этом плане социально-гуманитарное познание можно рассматривать как процесс когнитивного моделирования трансцендентальной социальной действительности. Поэтому различные научные конструкты и концепты как когнитивные ее модели представляют собой формализованные и структурированные представления, выраженные в символической форме. Любые когнитивные модели содержат некоторые ошибки в отношении воспроизводимого ими внешнего социального мира, которые обусловлены тем, что они упрощенно воспроизводят этот мир, постоянно выпуская из рассмотрения те или иные его аспекты, и за счет этого какие-то стороны моделируемого социального явления описывают и объясняют всегда неполно и противоречиво [23]. Научные знания в виде различных теоретических конструктов и аксиологических концептов как неполные или противоречивые модели социальной действительности в процессе коммуникации отчуждаются от их производителей и усваиваются индивидуальным сознанием потребителей этих знаний, что является основой виртуализации социальной реальности [24].

В социально-гуманитарном познании идеи конструктивизма получили широкое распространение под влиянием постмодернизма, представители которого, отрицая возможность получения объективно истинного знания, исходят из того, что социальная реальность является лишь продуктом аутопоэтического сознания познающего субъекта. В этом плане социальная реальность рассматривается не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной практикой, и поэтому конструкты социальной реальности можно сравнивать только между собой, но не с социальной действительностью.

В современном социально-гуманитарном познании конструктивизм представляет собой направление в эпистемологии, противостоящее реализму и объективизму, в котором можно выделить два течения: радикальный конструктивизм и конструктивный реализм [25].

Представители радикального конструктивизма полагают, что социальный «мир» вне различных социокультурных практик не играет никакой роли в производстве социально-гуманитарного знания, которое является лишь продуктом когнитивного производства коммуникативной системы под названием общество. В радикальном конструктивизме преодолевается дуалистическая онтология «социальная действительность – социально-гуманитарное знание» путем абсолютизации субъекта познания как когнитивной системы, замкнутой на себя и вплетенной в социокультурную практику. При этом социально-гуманитарное познание рассматривается не просто как диалог культур, а как интеллектуальная игра, которая ведется в культуре с помощью средств самой культуры.

В связи с этим социально-гуманитарные науки, как считают радикальные конструктивисты, не обладают привилегированным доступом к социальной действительности, находящейся вне культуры, и поэтому не могут претендовать на монопольное производство истинного знания. В радикальном конструктивизме социальная реальность сводится к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных социальных ситуаций, а социально-гуманитарные знания могут всегда быть «размонтированы» и преобразованы в другие интерпретации. Поэтому истинность или ложность социально-гуманитарных знаний определяется не их адекватностью социальной действительности, а социокультурными контекстами их производства. Истинными считаются социально-гуманитарные знания, полученные в соответствии с социально и культурно санкционированными понятийными схемами, охватывающими всю сферу культурного опыта, и прошедшие социокультурный селективный отбор, который осуществляют различные социальные группы, и прежде всего группы производителей этих знаний. При этом существенное влияние на производство знаний и отбор «истинных описаний» оказывают насилие, власть, деньги, авторитет, репутация ученых, их способность пойти на сделки с властью и собственной совестью, множество существующих конвенций, убеждение, уговоры, внушение, риторика [26]. Высшим арбитром истинности (ложности) социально-гуманитарных знаний выступает общая система идей, образующих конкретную культуру [27]. Для радикального конструктивизма социально-гуманитарное познание есть форма ориентации в современном мире, а социально-гуманитарные знания производятся для того, чтобы облегчить социокультурные коммуникации.

В радикальном конструктивизме можно выделить две формы: риторическую и концептуальную. Представители риторического конструктивизма рассматривают язык как ключ к пониманию социальной реальности и в своих принципиальных положениях опираются на идеи постмодернизма, в рамках которого отношения социально-гуманитарного знания к социальной действительности потеряли всякий смысл и были заменены провозглашением познающего субъекта в качестве репрессивной инстанции, творящей социальный «мир». Концептуальный конструктивизм не отказывается от признания социальной действительности, но в научно-исследовательской практике этому не придается никакого значения, поскольку социально-гуманитарное знание рассматривается всего лишь как проекция самой научной деятельности. В концептуальном конструктивизме истинными считаются социально-гуманитарные знания, полученные в соответствии с требованиями научности, принятыми в определенном академическом сообществе.

Конструктивный реализм, или феноменологический конструктивизм, преодолевая оппозицию объективизма и радикального конструкти-

визма, исходит из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует социальную реальность в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста. Представители конструктивного реализма рассматривают социально-гуманитарное познание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие ученых, с одной стороны, с трансцендентальной социальной действительностью, а с другой – друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются такие картины социального «мира», которые в определенной мере соответствуют самой социальной действительности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего. Разновидностью конструктивного реализма выступает конструктивный альтернативизм, согласно которому социальная реальность может интерпретироваться субъектами социально-гуманитарного познания разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или моделей социальной реальности, позволяющих рассматривать социальные факты с различных точек зрения.

Конструктивный альтернативизм в эпистемологии привел к возникновению в социально-гуманитарных науках такой интеллектуальной ситуации, которая характеризуется переходом от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической и мультипарадигмальностью социально-гуманитарного познания.

Исследователи, придерживающиеся принципа монистической интерпретации социальной реальности, признают возможность получения такого научного знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой социальной реальности, обеспечивая тем самым однозначность его объективно истинного содержания. Это порождает уверенность в возможности построения такой единственно верной социальной теории, доказательные научные аргументы которой окончательны и бесспорны. Принцип монистической интерпретации социальной реальности предполагает, что только одна из конкурирующих социальных теорий обязательно должна быть истинной, а остальные – ложными. В связи с этим ученые, исповедующие этот принцип, всегда претендуют на монопольное обладание научной истиной. При монистической интерпретации социальной реальности существенным является то, что ее возможности абсолютизируются, тогда как все другие способы интерпретации считаются ограниченными или ложными. Возможности различных монистических интерпретаций социальной реальности достаточно велики, ибо с их помощью были достигнуты довольно значительные успехи в социальном познании.

Однако в социальном познании неизбежно возникают методологические ситуации, порождающие проблему эпистемологического выбора. В рамках монистической интерпретации социальной реальности возможность такого выбора отсутствует, ибо в качестве научного признается только один – универсальный – способ интерпретации этой реальности.

Это означает необходимость выбора какого-либо одного способа интерпретации, что, естественно, сопровождается решительным неприятием всех других возможных способов осуществления познавательной деятельности в социально-гуманитарных науках. Поэтому ученые-монисты всегда рискуют остаться в рамках лишь частичной интерпретации, поскольку каждая из монистических интерпретаций социальной реальности рассматривает только свой ее срез или только в одном ее ракурсе. Тем самым исследователи, придерживающиеся принципа монистической интерпретации социальной реальности, фактически отказываются принимать во внимание те социальные факты, которые в рамках их теоретических построений оказались несущественными. Однако, абсолютизируя когнитивные возможности своих частичных интерпретаций, эти ученые стремятся выдать их за единственно возможные теоретические реконструкции социальной реальности.

Согласно принципу плюралистической интерпретации социальной реальности, эта реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (в широком смысле – научное сознание определенного сообщества). Методологический смысл принципа плюралистической интерпретации социальной реальности состоит в том, что в конкретной когнитивной ситуации применяется свой специфический, ориентированный на решение определенных исследовательских задач способ ее изучения. Поэтому в ходе научного исследования ученый, учитывая специфику его предмета и характер познавательных задач, сознательно выбирает те способы их решения, которые должны дать необходимый научный результат. При этом в зависимости от специфики предметной области и задач исследования ученый легко переходит от одного типа интерпретации к другому, меняя методологические позиции.

Вместе с тем принцип плюралистической интерпретации социальной реальности содержит требование, согласно которому любая из удачных ее интерпретаций является ограниченной, и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс социально-гуманитарного познания. Таким образом, ученый-плюралист придерживается принципа не универсальности тех или иных методологий, основанного на абсолютизации их познавательных возможностей, а принципа методологической дополнителности. Поэтому смысл методологической установки, связанной с плюралистической интерпретацией социальной реальности, состоит в том, что по отношению к предмету социально-гуманитарного познания можно сформулировать множество исследовательских задач, приоритетность которых зависит от методологического выбора ученого. Однако по отношению к определенному классу исследовательских задач применяется, как правило, свой специфический способ

их решения, давший в рамках определенной познавательной парадигмы необходимый научный результат.

Характеризуя интеллектуальную ситуацию, сложившуюся в социально-гуманитарных науках, ученые обращают внимание на то, что в настоящее время они превратились в мультипарадигмальные научные дисциплины. При этом исследователи отмечают, что, с одной стороны, мультипарадигмальность социально-гуманитарных наук подкупает «демократичностью и нацеленностью на практический результат», и поэтому сосуществование и конкуренция различных парадигм социально-гуманитарного познания являются необходимым условием нормальной ситуации в науке [28]. С другой стороны, мультипарадигмальность социально-гуманитарных наук сопровождается интеллектуальным сепаратизмом, который выражается, с одной стороны, в решительном неприятии представителями той или иной парадигмы других возможных способов познавательной деятельности, а с другой – в признании в качестве универсального только своего способа изучения социальной реальности.

Это позволяет применять по отношению к социально-гуманитарным наукам метафору коммунальной квартиры: представители каждой из парадигм имеют свой порядок научно значимого, свой язык и свою методологию, что затрудняет научную коммуникацию в социально-гуманитарном познании [29]. Поэтому в условиях интеллектуального сепаратизма мультипарадигмальность социально-гуманитарных наук означает не просто сосуществование различных методологических подходов к изучению социальной реальности, а их парадигмальное противостояние. При этом С.Г. Кирдина считает, что такое противостояние наблюдается, например, в социологии между индивидуалистским и холистским подходами к изучению социальной реальности [30]. Ж.Т. Тощенко говорит о трех альтернативных социологических парадигмах – номинализме, реализме и конструктивизме, выступающих в качестве основы разных методологических стратегий [31]. Некоторые исследователи предпочитают говорить о противостоянии, в частности, в политической науке нормативно-номиналистского, нормативно-реалистского, эмпирико-номиналистского и эмпирико-реалистского методологических подходов [32].

Мультипарадигмальность социально-гуманитарных наук сопровождается утратой целостного видения социальной реальности и фрагментацией социально-гуманитарного знания, поскольку научно-исследовательская деятельность обычно ограничивается рамками одной научной парадигмы. Поэтому проблема интеграции современного социально-гуманитарного знания в рамках конструктивного реализма является сегодня одной из ключевых проблем методологии социально-гуманитарного познания. Решение этой проблемы на предметном уровне некоторые ученые связывают с возникновением взаимно пересекающихся

полей интер-, поли- и трансдисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления, как отмечает Е.Н. Князева, происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные влияния, наводятся «мосты» взаимодействия. Для описания таких полей в современной науке применяются метафоры «научной сети» и «научной гибридности» [33]. Другие ученые преодолению фрагментации социально-гуманитарного знания связывают с построением интегральных или универсальных теорий и формированием единого понятийного языка социально-гуманитарных наук [34]. Похожую позицию в этом плане занимает Э. Гидденс, призвавший в начале XXI в. содействовать возрождению того стиля мышления, который был у истоков социологии, в качестве одного из средств возвращения социологии подобающего ей места (ныне утраченного) в современном обществе [35].

Примечания

1. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 12–15.
2. *Бурдые П.* Введение в социологию объективации субъекта объективации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 5. С. 8–10.
3. *Турченко В.Н.* Гуманизация и гуманитаризация науки // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 60–65.
4. *Черный Ю.Ю.* Современный гуманизм (обзор). URL: <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142> (дата обращения: 23.09.2012); *Алексеев В.М.* Концепция гуманизма как черный пиар одних деятелей науки против остальных. Типология гуманистов по ортодоксии. URL: <http://theideology.narod.ru/endo/hu01.html> (дата обращения: 23.09.2012).
5. О креативной личности см.: *Волков Ю.Г.* Креативность: исторический прорыв в России. М., 2011. С. 44–85.
6. Наука глазами гуманитария / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2005; *Медведев В.А.* Субъектная составляющая теоретического познания: тенденции преобразования эпистемологической проблематики // Философия науки. 2009. № 2 (41).
7. Термин, введенный Б. Вальденфельсом (*Вальденфельс Б.* Мотив Чужого. Минск, 1999. С. 134–138).
8. *Лубский А.В.* Гуманизация исторической науки: становление когнитивной субъектности и сетевых структур // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. К., 2009.
9. *Лубский А.В.* Гуманизация гуманитарных наук, или становление научной субъектности // Гуманитарный ежегодник. 7 / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д, 2008.

10. *Tarнас Р.* История западного мышления. М., 1995. С. 339–345.
11. *Beaugrand R.-A. de, Dressler W.* Introduction to text linguistics. London; N. Y., 1981. P. 188.
12. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 225.
13. *Barthes R.* Roland Barthes par Roland Barthes. Paris, 1975. P. 78.
14. Intertextualität: Formen, Funktionen, anglist. Fallstudien / Hrsg. Von Broich U., Pfister. M. Tübingen, 1985. S. 8.
15. *Barthes R.* Image, Music, Text. London, 1977. P. 42–48.
16. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века // *Общественные науки и современность.* 2009. № 3. С. 158–168.
17. *Лубский А.В.* Социально-гуманитарные науки в России: интеллектуальная стагнация и когнитивные прорывы // *Научная мысль Кавказа.* 2009. № 2. С. 40–50.
18. Берега рациональности. Беседа с В.С. Швыревым // *Вопросы философии.* 2004. № 2. С. 122–123.
19. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии.* 2003. № 8. С. 15.
20. *Ястребицкая А.Л.* «Новая историческая наука» в контексте современной культурной традиции // *Теоретические проблемы исторических исследований.* Вып. 1. М., 1998. С. 47.
21. *Баткин Л.М.* Полемиические заметки // *Одиссей. Человек в истории.* Представления о власти. М., 1995. С. 209.
22. *Князева Е.Н.* Нелинейная паутина познания // *Человек.* 2006. № 2. С. 21–31.
23. *Балацкий Е.В.* Диалектика познания и новая парадигма экономической науки // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 7. С. 73–79. См. также: *Руднев В.П.* Реальность как ошибка. М., 2011. С. 75–115.
24. *Лубский А.В.* Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // *Научная мысль Кавказа.* 2011. № 4. С. 19–29.
25. *Лекторский В.А.* Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // *Вопросы философии.* 2005. № 8.
26. *Филюшкин А.И.* Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века // *Россия XXI.* 2002. № 4. С. 64–99.
27. *Агафонова М.Ю.* Проблема насилия в познании. Ростов н/Д, 2002. С. 43–49.

28. *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии (Исследование по социологии знания) // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 114–123.

29. *Олейник А.Л.* Научная коммуникация на стыке парадигм // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 117.

30. *Кирдина С.Г.* Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 18.

31. *Тощенко Ж.Т.* Социология. 3-е изд., переработ. и дополн. М., 2005. С. 33–40.

32. *Климов С.В.* Кризис фрагментации, или предпосылки формирования постнеклассической политической науки. URL:<http://www.polit.ru/research/2006/10/04/gudkov2.html>; <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/klimov.pdf> (дата обращения: 23.09.2012).

33. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 29–48.

34. *Кирдина С.Г.* Современные социологические теории... С. 28.

35. *Гидденс Э.* К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5.